Пріѣзд Ленина в Петербург.

В совѣтских газетах помѣщены воспоминанія о пріѣздѣ Ленина в Россію в 1917 г. Автор слѣдующим образом описывает эту, теперь историческую встрѣчу.

Апрѣльскій день... Помню, набѣгавшись вволю по профсоюзным и редакціон. дѣлам, я направился домой. Вдруг на меня вихрем налетает товарищ из «Правды».

— «Сегодня Ильич пріѣзжает» — обратился он радостно ко мнѣ, идем встрѣчать на вокзал!

Хотя на вокзал было еще идти и рано, но мы мигом сообразили, что нужно занять выгодную «позицію», а потому тут же рѣшили двинуться к Финляндскому вокзалу, на который пріѣзжал т. Ленин.

В районѣ его чувствовалось уже замѣтное оживленіе, несмотря на то, что до прибытія поѣзда из Финляндіи было еще далеко. И нам не пришлось раскаиваться в своей предусмотрительности: народу было уже много, особенно около главнаго зданія вокзала. С большим трудом протискались мы на выгодную «позицію», — к ступенькам лѣстницы, идущей из центральнаго выхода вокзала.

Как сейчас помню картину этого ожиданія прибытія будущаго творца Октябрьской революціи.

Сплошное море людей, а над этим морем красиво рѣет лѣс красных знамен. Они точно горят при свѣтѣ электрических дуговых фонарей, освѣщающих площадь.

Вдруг... точно шелестом пробѣжало по этой массѣ людей какое то слово. Оно прокатилось из конца в конец площади... Мы это слово тотчас же услышали: «пріѣхал»...

Затертые, сгрудившейся у входа на вокзал толпой, мы не замѣтили, как Ильич вмѣстѣ с другими пріѣхавшими из-заграницы товарищами, прошел через вокзал и вышел на площадь.

В память глубоко врѣзался лишь слѣдующій момент.

По людскому морю, колыхаясь точно по волнам, двигался большой грузовик. Мы его с трудом разглядѣли, потому, что одного свѣта электрических фонарей было мало, чтобы его увидѣть. Но вот на площадь брызнули установленные на Нижегородской улицѣ военные прожекторы... Длинные снопы густых лучей прожекторов пронизали вечернюю темноту, и перед их свѣтом, как жалкими лампочками, точно керосиновыми, показались вокзальные электрическіе дуговые фонари. Снопы прожекторов, пересѣкаясь, что-то нащупывают... Вот они охватили центр стоящаго перед вокзалом людского моря, и при свѣтѣ их еще ярче заалѣли колышущіяся над организаціями красныя знамена, со словами привѣта на них пріѣзжающему Ленину. Прожекторы, однако, не успокаиваются... Лучи их продолжают искать... Вот один из них «поймал», наконец, что искал: цѣлыми снопами свѣта ударил он в движущійся медленно грузовик.

Нам представилась картина, которая никогда не изгладится из памяти...

На грузовикѣ стоял Ильич с группой друзей и товарищей. Большое красное знамя рѣяло над их головами... Залитый серебряными лучами прожектора, медленно двигался в людском морѣ грузовик со стоящим на нем Ильичем... Безпрерывные возгласы привѣтствія неслись к нему из тысяч пролетарских грудей... Привѣтствія сливались с звуками «Интернаціонала» оркестров. Точно корабль по волнам, медленно, медленно продвигался грузовик. И точно склонялись с привѣтом перед ним колыхавшіяся над колоннами полков и организацій красныя знамена... Вот он продвинулся к концу Финскаго переулка... Еще момент, и грузовик стал заворачивать на Нижегородскую улицу к Литейному мосту...

Германскій государствен. заемъ въ облигаціяхъ устойчивой цѣнности

1. **Обезпеченіе.** Проценты и капиталъ обезпечиваются на основаніи закона совокупностью частнаго имущества германскихъ гражданъ.
2. **Налоговыя преимущества.** Заемъ освобождается отъ налога на биржевые обороты, а облигаціи пріобрѣтенныя подпиской — отъ налога на наслѣдства.
3. **Кредитныя преимущества.** Государственныя кредитныя кассы (Darlehnskassen) выдаютъ ссуды подъ залогъ облигацій займа.
4. **Биржевая котировка займа.** Допущеніе къ биржевой котировкѣ послѣдуетъ непосредственно послѣ выпуска облигацій.
5. **Подписка открыта съ 15-го августа 1923 года.** Закрытіе подписки можетъ послѣдовать въ любой срокъ.
6. **Мѣста подписки.** Подписка принимается Государственнымъ Банкомъ и поименованными въ проспектѣ учрежденіями непосредственно или же чрезъ посредство банковъ, банкирскихъ конторъ, сберегательныхъ кассъ, союзовъ этихъ учрежденій и обществъ взаимнаго кредита.
7. **Подписная цѣна** составляетъ впредь до измѣненія 100%, при взносахъ германскими марками, 95% при взносахъ въ иностранной валютѣ или въ облигаціяхъ долларового займа. Повышеніе подписной цѣны можетъ послѣдовать во всякое время.
8. **Взносы.** Взносы должны производиться немедленно при подпискѣ, причемъ германскія марки зачитываются по среднему офиціальному курсу переводовъ на Нью-Іоркъ, согласно послѣдней котировки берлинской биржи передъ днемъ подписки. Расцѣнка взносовъ иностранной валютой въ переводѣ на доллары будетъ опубликована особо; справки объ этой расцѣнкѣ можно наводить въ мѣстахъ пріема подписки. Облигаціи послѣдняго долларового займа принимаются въ уплату при подпискѣ на настоящій заемъ наравнѣ съ долларами, съ зачетомъ нарощенныхъ процентовъ, считая по 3¼% въ мѣсяцъ.
9. **Достоинство облигацій.** Предполагается выпускъ облигацій достоинствомъ въ 4,20 мар., = 1 доллару, 8,40 мар. = 2 долл., 21 мар. = 5 долл., 42 мар. = 10 долл., 105 мар. = 25 долл., 210 мар. = 50 долл., 420 мар., = 100 долл., 2100 мар. = 500 долл. и 4200 мар. = 1000 долл.
10. **Процентъ роста.** Облигаціи 10-долларового достоинства и выше снабжены 6% годовыми купонами; срокъ оплаты перваго купона наступаетъ 1 сентября 1924 года. Облигаціи въ 1, 2 и 5 долларовъ выпускаются безъ купоновъ, но погашаются по истеченіи 12 лѣтъ съ надбавкой 70% къ номинальной цѣнѣ, тогда какъ приносящія проценты облигаціи въ 10 долларовъ и выше погашаются по номинальной цѣнѣ.
11. **Погашеніе.** Купоны оплачиваются въ германскихъ маркахъ, по наступленіи указанныхъ на нихъ сроковъ, ежегодно послѣ 1 сентября, облигаціи погашаются 2 сентября 1935 г. также въ германскихъ маркахъ, причемъ сумма погашенія опредѣляется среднимъ офиціальнымъ курсомъ берлинской биржи на переводы въ Нью-Іоркъ за промежутокъ времени съ 15 іюля по 14 августа года погашенія купона или облигаціи. Курсъ погашенія будетъ офиціально опубликованъ.

Мамонт Дальскій.

Въ одинъ изъ такихъ же, какъ сейчасъ, золотыхъ и теплыхъ дней августа, пять лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ погибъ, какъ вспоминаетъ П. Ѣльскій въ «П. И.», Мамонтъ Дальскій.

Русская жизнь потеряла яркаго человѣка, необыкновенно цвѣтную, горящую индивидуальность, личность-легенду, какимъ-то чудеснымъ и несообразнымъ случаемъ переброшенную изъ далекаго вѣка къ намъ: итальянская новелла, разсказанная подъ заливанье родной вьюги въ никого не милующій декабрьскій морозный вечеръ.

Да, это былъ русскій Казанова!

Casanova, проводившій ночи безъ сна, съ милыми прелестницами, то за виномъ, то за картами, «покрытый пылью всѣхъ дорогъ», мечущійся по городамъ странникъ міра, неугомонная душа, внезапный политикъ, вѣчный искатель приключеній, не думавшій о завтрашнемъ днѣ; безпечный свободолюбъ, у кого была одна система въ жизни: «слѣдовать теченію»; Казанова — фантастъ, Казанова — мистификаторъ, прожигатель жизни, не считающій дней въ недѣлѣ и часовъ въ днѣ; Казанова, для котораго «театръ былъ потребностью», а книга не меньшимъ наслажденіемъ, чѣмъ вино, геніальный авантюристъ, кому судьба дала познать власть и нищету, богатство и тюремное заточеніе, любовныя побѣды и женскія горькія измѣны, и кто оставилъ, несмотря на все свое легкомысліе и всѣ безразсудства, и сейчасъ неумирающую память по себѣ, — не знакомъ ли вамъ этотъ образъ, и не узнаете ли вы въ немъ нашего соотечественника, котораго видѣлъ Парижъ и Крыжополь, Миланъ и Пермь, Лондонъ и Вознесенскъ, кѣмъ восторгался Петербургъ, и не всегда былъ доволенъ Бѣлостокъ, который любилъ Москву, чтобъ въ ней погибнуть, а больше все го былъ преданъ Монте-Карло, хотя, случалось, что ему не на что было оттуда выѣхать, и преданность Дальскаго монакскому княжеству оказывалась двоякой: онъ бывалъ привязанъ къ нему не только сердцемъ, но и безденежьемъ и долгамъ, своимъ пустымъ кошелькомъ, золото котораго перекочевывало въ карманы невозмутимыхъ крупье?

Человѣкъ безъ всякой системы, безъ компаса и руля, онъ платонически любилъ геометрическую законченность схемъ, считалъ себя великимъ дѣльцомъ, жизненнымъ практикомъ, увлекался бухгалтерскими терминами, съ гордостью подчеркивалъ свою мнимую освѣдомленность въ банковскихъ операціяхъ, въ конторскихъ дѣлахъ, вдругъ надѣвалъ на себя маску коммерсанта, «игралъ американца», безъ оглядки выстраивая все въ ариѳметической послѣдовательности, дѣля по рубрикамъ факты, страсти людей, даже свою ни въ какія рамки, вообще, не укладывающуюся жизнь и часами иногда объясняя свой методъ самопознанія.

Онъ былъ суевѣренъ.

Больше всего въ жизни онъ боялся несчастливыхъ примѣтъ. Вѣрилъ въ знаменія и заклинанія, его онъ-то, мнившій себя геометромъ и точнымъ умомъ! И мстительной утѣхой для него являлось то странное совпаденіе, что несчастья его врага — Россіи, съ которой онъ былъ въ непримиримой ссорѣ, совпали съ его личными неудачами.

Онъ умѣлъ помнить обиды, не прощалъ и не забывалъ оскорбленій, а въ его записной книжкѣ даже была какъ бы особая «страница проклятій», куда онъ заносилъ имена своихъ враговъ.

И когда кого-нибудь изъ нихъ постигала бѣда, тяжелая болѣзнь или смерть, онъ открывалъ страницу, и на ней мы видѣли имя того, кому судьба мстила за трагическую жизнь трагика Мамонта Дальскаго.

Вспомните Казанову, его магическіе сеансы, его колдовскія заклинанія у Бригадина и Д'Юрфе, въ особенности его влюбленность въ эту театральную таинственность.

— ... Его занимала, — пишетъ о Казановѣ его критикъ, — театральная обстановка магическихъ операцій, ихъ безудержная фантастичность.

Да, и тотъ, и другой были прежде всего актеры, актеры въ жизни, какъ Дальскій былъ еще прекраснѣйшимъ актеромъ на сценѣ.

Ни съ чѣмъ несравнимъ былъ его романтизмъ. Онъ фантазировалъ всегда, во всемъ, все одѣвая въ раззолоченныя одежды, въ хитоны, въ камзолы, рядя порокъ въ одежду святости, принимая проходимца за героя, идеализируя сомнительныхъ людей, готовый молиться и пѣть Осанну всякой удачѣ, постоянно подпластный первому впечатлѣнію, рабъ своего вѣчнаго экстаза.

— Дальскій среди парижскихъ кокотокъ, говорила одна актриса, ищетъ тургеневскихъ дѣвушекъ!...

Онъ и изъ авторовъ любилъ только Шекспира и Шиллера,—еще Карлейля: помилуйте, какъ же не любить его, если онъ создалъ цѣлую апологію героя, героизма и героическаго и проповѣдывалъ цѣлый культъ поклоненія ему и почитанія?

И странной казалась только его преданность, вѣрная преданность Пушкину, какъ уже совсѣмъ понятной была его отчужденность и даже нелюбовь къ Чехову и, разумѣется, ко всему Московскому Художественному Театру.

Свои послѣднія 15 лѣтъ Дальскій прожилъ въ щемящемъ и горькомъ сознаніи своей обманутости людьми, случаемъ, всей русской жизнью, оскорбленный и обиженный своимъ театральнымъ скитальчествомъ, измѣнами женщинъ (эти измѣны были — и не въ единственномъ числѣ!), своей общей непріученностью и тѣмъ невольнымъ коченничествомъ, отъ котораго временами онъ такъ сильно уставалъ, о которомъ шутя любилъ говорить:

— Пора перестать угнетать своимъ талантомъ малмыжскаго исправника!

Но когда прошелъ слухъ, что онъ подписалъ контрактъ къ Соловцову, и кто-то спросилъ его объ этомъ, надо было видѣть его гордую позу, надо было слышать этотъ тонъ:

— Я ушелъ изъ театра Николая Романова — такъ не для того-жъ, чтобы поступить къ Николаю Соловцову!

Еще не было изможденія, еще звучалъ бравурный голосъ, еще кругилась выпяченная грудь, и надменно закидывалась назадъ непокорная, прекрасная голова, но уже молодости не было, — она прошла и ушла, надорванная и обманутая, и заблестѣло серебро въ волосахъ, и на туалетномъ столикѣ появилась краска.

— Что-жъ, — говорилъ Дальскій, — я не въ долгу передъ ними. Прежде они меня красили, теперь я крашу ихъ!..

Это было находчиво, остроумно, красиво — и грустно.

И отъ этого тоже вѣяло какой-то большой жизненной трагедіей, какъ трагедіей была для него, единственнаго трагическаго актера, русская сцена и вся его русская судьба, и его жизненный плѣнъ, и, наконецъ, эта смерть, тоже трагическая и такая безсмысленная, такая глупая — смерть отъ трамвая, въ которыхъ Дальскій никогда не ѣздилъ, въ какомъ-то странномъ предчувствіи избѣгая ихъ и боясь.

Убійство въ Москвѣ.

Московскія «Извѣстія» сообщаютъ:

21 іюля на Ярославскій вокзалъ явился прилично одѣтый пассажиръ, который привезъ съ собою на подводѣ большую, тяжелую плетеную корзину.

Пассажиръ пытался сдать корзину въ багажъ до станціи Ярославль. Во время сдачи было замѣчено, что изъ корзины сочится кровь. Поднялась тревога, неизвѣстный пассажиръ пытался скрыться, но былъ задержанъ.

При первоначальномъ дознаніи задержанный назвался А. А. Вишневскимъ, по профессіи электромонтеромъ, и сказалъ, что направляется на заработки въ Ярославль, корзину же просилъ его сдать въ багажъ одинъ неизвѣстный, съ которымъ онъ только что познакомился.

При обыскѣ у задержаннаго были найдены записочки; на одной изъ нихъ значилось «золото 50 руб. 6.350 руб.»

Окровавленная корзина была вскрыта и въ ней нашли трупъ убитаго мужчины. Ноги трупа были согнуты въ колѣняхъ и связаны веревкой. Въ темянной части головы оказалась огнестрѣльная рана; кромѣ того, голова была пробита какимъ-то тяжелымъ орудіемъ.

Въ виду того, что бумажки, найденныя при обыскѣ Вишнёвскаго, по своему виду напоминали квитанціи игорныхъ клубовъ, которыя выдаются при расплатѣ вмѣсто золота, МУУР былъ предпринятъ объѣздъ по московскимъ клубамъ. Оттуда было взято по одному служащему. Служащимъ этимъ устроили очную ставку съ задержаннымъ и показали трупъ.

Служащій казино «Прага» призналъ въ лицѣ убитаго одного изъ посѣтителей названнаго клуба, хотя и не зналъ его фамиліи. Послѣ этихъ показаній задержанный сталъ сильно путаться и говорить, что, дѣйствительно, во время своихъ наѣздовъ въ Москву онъ иногда посѣщалъ клубы, но къ убійству онъ же-таки не причастенъ.

Исходя изъ соображенія, что убитый, несомнѣнно, имѣлъ связь съ клубами, МУУР обратилъ вниманіе, что изъ записной книжки вырваны были нѣкоторые листки, которые нашли въ корзинѣ вмѣстѣ съ трупомъ. Когда листки подобрали и склеили, то можно было прочесть слѣдующее: «Погодиловъ 5 черв.» Осмотрѣли книги посѣтителей клуба «Прага», и нашли тамъ фамилію А. М. Погодиловъ. Отъ послѣдняго узнали, что, судя по внѣшности, убитый, навѣрно, юрисконсультъ С. С. Зерновъ, который, кромѣ того, часто посѣщалъ биржу.

Послѣ обнаруженія личности убитаго, задержанный, назвавшійся Вишневскимъ, сказалъ, что онъ въ дѣйствительности не Вишневскій, а инженеръ-механикъ М. А. Іоселевичъ и указалъ свой адресъ.

Въ дальнѣйшемъ Іоселевичъ въ убійствѣ сознался, но мотивовъ преступленія не указалъ.

Іоселевичъ разсказалъ подробности совершоннаго имъ преступленія. Онъ встрѣтился съ Зерновымъ на биржѣ 21 іюля, въ 4-мъ часу дня и заманилъ его къ себѣ на квартиру, въ д. № 4, по Мамоновскому пер. Въ квартирѣ все благопріятствовало совершенію преступленія, такъ какъ сосѣдей никого не было дома. Іоселевичъ выстрѣлилъ въ голову Зернова, а когда раненый упалъ, то онъ нанесъ ему въ голову три удара молоткомъ. Затѣмъ, сложивъ трупъ въ корзину, онъ замылъ слѣды крови въ квартирѣ, нанялъ подводу и отправился на вокзалъ.

Іоселевичъ, какъ теперь выясняется, въ послѣднее время, забросивъ свои профессіональныя занятія, сдѣлался страстнымъ игрокомъ и въ теченіе уже полугода путешествовалъ по различнымъ казино, проигрывая все, что имѣлъ.

Рекорды пловцов.

Какъ извѣстно, американскій пловецъ капитанъ Сюлливанъ переплылъ Ламаншъ въ 27 час. 23 минуты. Онъ отплылъ изъ Дувра въ воскресенье, 5 августа, въ 5 час. 22 мин. и присталъ къ французскому берегу въ Калэ въ понедѣльникъ, въ 8 час. 45 мин. вечера.

Многочисленныя попытки вплавь пересѣчь Ламаншъ обыкновенно оставались безуспѣшными. Нужно обладать совершенно исключительной силой, чтобы преодолѣть тѣ трудности, которыя ждутъ пловца. Дѣло не въ ширинѣ Ламанша: по воздушной линіи разстояніе между англійскимъ и французскимъ берегомъ — всего 32 километра. Но въ этомъ узкомъ морскомъ рукавѣ очень сильныя теченія. Здѣсь проходитъ одинъ изъ ручьевъ Гольфштрема, настоящій потокъ теплой воды, и пловцу приходится в теченіе долгих часов бороться с тѣм, чтобы не быть унесенным в противоположном направленіи.

Отлив и прилив — другое препятствіе для пловца. Отправляясь — все равно с какого берега — во время отлива, пловец должен пристать к противоположному берегу вмѣстѣ с приливом, иначе волны отлива унесут его в море. Поэтому только пловец исключительной быстроты, который сможет переплыть канал в 15 часов, или пловец исключительной силы имѣют шансы на успѣх. Сюлливан и проявил эту исключительную силу.

Огромная толпа ждала его в Калэ. Сюлливан кристал у зданія казино. Его подхватили на руки и отнесли в казино. Пловец с трудом отвѣчал на вопросы — силы его были совсѣм на исходѣ. Он проглотил нѣсколько ложек супу, стакан вина и вскорѣ заснул мертвым сном. Его перенесли на автомобиль, оттуда на пароход и отправили в Дувр.

Успѣх Сюлливана вызвал цѣлый ряд подражаній. Так, уже сообщалось о попыткѣ американки Корнон, которая 6 августа в 9 час. 25 мин. утра отплыла из Дувра. Ее сопровождал на лодкѣ муж, извѣстный гребец, намѣревавшійся переплыть Ламанш на веслах. Их конвоировали двѣ моторных лодки.

Но вслѣдствіе холодной и неблагопріятной погоды она не в силах была достигнуть противоположнаго берега.

Мистресс Корнон уже 8 раз переплывала разстояніе в 38 километров, из Альбани в Нью-Іорк.

Канадскій пловец Омер Перроль отплыл с англійскаго берега в воскресенье, в 8 часов вечера, но через 12 часов сдался. Вечером в понедѣльник отплыл из Булони французскій пловец Мишель.

Впервые переплыл Ламанш капитан Вебб: 24 августа 1876 г. в 21 час. Второй удачный опыт послѣ многих неудачных осуществился только в 1911 году. Извѣстный франко-англійскій пловец Бюргес преодолѣл Ламанш в 23 часа 40 минут.

И, наконец, в газетах помѣщена телеграмма о новом рекордѣ—итальянца Тирабоски, который переплыл канал в 16 час. 23 мин.

Игорные притоны.

Нѣмецкія газеты отмѣчают то обстоятельство, что во всѣх концах потрясеннаго революціонными спазмами Берлина, идет азартная игра.

На Фазаненштрассе, въ листвѣ старых дубов мелькает терасса ресторана «Вальтерштейнъ».

Мѣстныя власти, осторожно, не загораживая пути доллару, пытаются умѣрить роскошь, разстилающуюся на глазах у голодающаго населенія столицы; существуют ограниченія двѣнадцатаго часа, полицейскаго контроля и другія.

Для ресторана «Вальтерштейнъ» закон не писан. Онъ заявленъ «закрытымъ» клубомъ; въ немъ не бывает публики — только «члены» и «гости». Среди уюта его гостиных льют чловѣки и чловѣки оннѣнной напролет. Идет игра въ «скрытую» шуэтъ, партія по 30—40 милліонов. Крупье обходит игроков, сидящих за столиками, и ненавязчиво записывает их ставки на стирающемся блокнотѣ. За ширмами обрѣтается кассиръ, туда стекается тяжелая валюта разных калибровъ. Растакуэръ Б., не то австріецъ, не то американецъ не ставитъ менѣе 50 милліоновъ.

Подальше, въ районѣ Вильмерсдорфа, подъ эгидой женщины большого свѣта играютъ въ бакъ. Если позвонить къ ней на Дюссельдорферштрассе, можно узнать, гдѣ въ данный день собираются на файнклокъ. Ибо играютъ днемъ, почти исключительно женщины, съ яростнымъ азартомъ; въ ихъ кругу можно встрѣтить одного небезнавѣстнаго дамскаго портного.

Въ шумныхъ кварталахъ, гдѣ передъ крикливыми выставками магазиновъ снуетъ толпа, существуетъ летучка играющихъ въ рулетку. Она осѣдаетъ то на Бисмаркъ то на Кантъ-штрассе. Пестрый букетъ дамъ отъ баронессы Э. до Тереахенъ Б. Титулованная военщина и «банкиры», и ювелиры изъ разныхъ россійскихъ и австрійскихъ охранъ, ихъ также титулуютъ, не ниже «херъ докторъ». Мальчишка, завѣдующій почтовыми марками въ одномъ экспортномъ предпріятіи, ставитъ здѣсь смѣло и крупно. Его замѣчаютъ.

Не только на тучномъ западѣ Берлина, — въ рабочихъ кварталахъ, въ притонахъ охранъ и предмѣстій, на чердакахъ и въ подвалахъ, въ тѣмныхъ лѣстницъ и въ подворотняхъ идетъ игра. Всѣ ставятъ на долларъ.

Американская жизнь.

— Нѣкій Евгеній Буртонъ Виллярдъ, сорока лѣтъ, совершаетъ путешествіе вокругъ свѣта пѣшкомъ и босикомъ. Онъ исходилъ уже всю Мексику, англійскія колоніи и другія мѣста, въ общемъ около 50 000 миль, совершая свои путешествія босикомъ. Снѣгъ, буря, дождь и холодъ не мѣшаютъ ему. Кожа его ногъ огрубѣла до того, что не чувствуетъ никакихъ перемѣнъ погоды. Она похожа на обыкновенную подошву сапоговъ.

— Находящіеся въ Гензанѣ (Корея) бѣлогвардейскіе генералы Глѣбовъ и Лебедевъ смертельно поссорились, и дѣло дошло до кроваваго столкновенія между ихъ сторонниками. Въ результатѣ Глѣбовъ и 114 человѣкъ его сторонниковъ убиты.

Японское командованіе послѣ этого разрѣшило остаться въ Гензанѣ всего лишь 300 бѣлобандитамъ, а остальные будутъ отправлены на японскихъ пароходахъ въ Канаду. Къ великому огорченію японскихъ властей, которыя всѣми силами стараются избавиться отъ корейскихъ бѣлобандитовъ, въ Гензанъ прибылъ пароходъ «Эльдорадо» и привезъ еще 700 человѣкъ.

— Въ Бронксе, въ Нью-Іоркѣ, среди прихожанъ полвекаго костела на 155 улицѣ давно ходили слухи объ оргіяхъ, устраиваемыхъ органистомъ костела старикомъ Гандаяла. Жалобы дѣтей обратили вниманіе родителей и неожиданно раскрылась жуткая картина насилія и растлѣнія дѣтей въ возрастѣ 8—12 лѣтъ. За Гандаялой насчитывается много искалѣченныхъ жизней, приведшихъ старика на скамью подсудимыхъ.

— Къ извѣстному въ Бруклинѣ доктору Куртису Мунси, находящемуся въ Европѣ, обратился король Испаніи Альфонсъ съ просьбой вылѣчить его сына, принца Джема, глухого отъ рожденія. Докторъ согласился на просьбу короля и совершилъ надъ его сыномъ операцію, произведенную въ Парижѣ. Операція удалась блестяще, черезъ 20 минутъ послѣ того, какъ принцъ легъ на операціонный столъ, онъ изъ глухого отъ рожденія превратился въ нормальнаго юношу и сталъ слышать все. Послѣ операціи докторъ Мунси заявилъ, что онъ, конечно, радуется тому, что излѣчилъ сына короля, но онъ не радуется этому больше, чѣмъ тому, что онъ излѣчилъ 141-го ребенка — дѣтей бѣдняковъ Лондона, Глазгова и Парижа.

Разлагается ли американская деревня?

Въ послѣдніе годы въ американскихъ законодательныхъ палатахъ и въ печати часто слышны были голоса о «разложеніи деревни». Многіе наблюдатели американской общественной жизни съ тревогой отмѣчали замѣчаемое изъ года въ годъ уменьшеніе сельскаго населенія. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ количества фермеровъ-собственниковъ увеличивается количество арендаторовъ фермъ. Закладныя на фермы, по сравненію съ общей стоимостью фермерскаго имущества, начали принимать угрожающіе размѣры. И, наконецъ, что болѣе всего смущаетъ наблюдателей этого процесса, самые передовые, живые и дѣятельные элементы американской деревни массами бѣгутъ въ города, находя тамъ и лучшее приложеніе своихъ способностей, и болѣе широкое поприще для своей дѣятельности.

Эта систематическая «индустріализація» Америки видимо пугаетъ многихъ американскихъ дѣятелей. Но процессъ этотъ не новый. «Земледѣльческая Америка» конца XVIII и начала XIX столѣтія давно уже отошла въ область прошлаго. Основатели американской республики тщетно пытались сохранить Америку, какъ могучую земледѣльческую страну, предпочитающую производить продукты питанія и вывозящую индустріальные продукты изъ Европы.

Томасъ Джефферсонъ, третій по счету президентъ Соединенныхъ Штатовъ, изложилъ эту боязнь «индустріализаціи Америки» въ слѣдующихъ словахъ:

— Я бы предпочелъ, чтобы наши мастерскія оставались въ Европѣ... Толпы большихъ городовъ столь же желательны для страны, какъ болячки на человѣческомъ тѣлѣ. Съ моей точки зрѣнія, классъ ремесленниковъ является носителемъ идеи разрушенія свободъ.

Во времена Джефферсона менѣе трети населенія жило въ городахъ. Но процессъ «индустріализаціи» шелъ своимъ чередомъ, и теперь свыше двухъ третей населенія Америки живетъ въ городахъ.

Машины совершенно революціонировали американское сельское хозяйство и сдѣлали возможнымъ довести земледѣльческое производство до высокой ступени, вопреки «бѣгству» сельскаго населенія въ города. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, окружающихъ американское сельское хозяйство, вооруженный современными машинами